

ПЕРВОЕ ВЫСШЕЕ ТЕХНИЧЕСКОЕ УЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНИЕ РОССИИ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

УТВЕРЖДАЮ

Руководитель ОПОП ВО
Профессор Д.А. Щукина

МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ
ДЛЯ ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ ПО ДИСЦИПЛИНЕ

«РУССКИЙ ЯЗЫК»

Уровень высшего образования:	Подготовка кадров высшей квалификации
Направление подготовки:	45.06.01 Языкознание и литературоведение
Направленность (профиль):	Русский язык
Форма обучения:	очная
Нормативный срок обучения:	3 года
Составитель:	д.филол.н., проф. Щукина Д.А.

Санкт-Петербург

ВВЕДЕНИЕ

Практические занятия с аспирантами проводятся в форме изучения отдельных теоретических вопросов по специальной литературе, самостоятельного решения заданий, а также участие в дискуссии на практических занятиях или в рамках методического семинара кафедры русского языка и литературы.

Выполняются следующие задания:

- подбор теоретических источников по изучаемым темам с описанием основных положений исследования;
- выполнение заданий, связанных с теоретическими и прикладными аспектами изучаемой на практическом занятии темы;
- устное и письменное реферирование научных статей (монографий) по современному русскому языку;
- выступление с научным докладом по выбранной теме.

5 семестр

РАЗДЕЛ I. КОНЦЕПЦИИ СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Тема 1. Традиционные и современные концепции в лингвистике

Занятие 1. Место генеративных исследований в современной лингвистике. Истоки трансформационно-порождающей грамматики Н. Хомского. Суть понятия «хомскианская революция», или «вторая когнитивная революция»

Цели и задачи занятия:

- сформировать представление о генеративных исследованиях в современной лингвистике;
- выявить истоки трансформационно-порождающей грамматики Н. Хомского;
- определить понятие «хомскианская революция», или «вторая когнитивная революция».

Задание 1. Прочитайте фрагмент работы Дж. Бейлин *КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ГЕНЕРАТИВНОЙ ГРАММАТИКИ (Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления)*. М., 2002.

Перечислите основные положения теории Н. Хомского, которые позволяют связывать с его именем «революцию» в лингвистике. Какие из них оказали влияние на дальнейшее развитие лингвистической теории?

1. Введение

В данной главе рассматриваются основные моменты в истории развития генеративной, или порождающей, грамматики (generative grammar), начиная с появления книги Н. Хомского «Синтаксические структуры» в 1957 году <...> и кончая выходом в свет сборника четырех статей Н. Хомского «Минималистская программа» <...>.

Настоящая глава построена в виде краткой истории данной теории – без этого трудно понять главный парадокс развития генеративной грамматики: от ее первоначальной теории осталась лишь фундаментальная концепция о врожденной языковой способности человека с независимыми внутренними закономерностями. Главный движущий механизм ранней генеративной грамматики – «трансформации» – давно заменен понятиями принципов и параметров (Principles and Parameters). В данной главе рассматривается процесс исторического развития теории генеративной грамматики, которая в своем современном виде включает в себя многие достижения функциональных теорий языка последних лет и удачно объясняет процесс усвоения детьми родного языка.

Теория генеративной грамматики прошла долгий и сложный путь развития. В данной главе затрагиваются лишь самые существенные моменты в развитии теории генеративной грамматики. <...> По-настоящему обширные эмпирические исследования в области генеративной грамматики начались лишь в 1980-е годы. За пятнадцать лет научных изысканий был установлен ряд универсальных принципов и параметров, которые объясняют не только существование большинства языковых явлений, но и отсутствие тех явлений, которые не наблюдаются в естественных языках. Таким образом, генеративная грамматика не имеет конкурентов в лингвистике: она занята ограничениями на форму человеческих языков и выдвигает научно обоснованную концепцию усвоения детьми родного языка.

Здесь важно обратить внимание на два основных заблуждения относительно теории генеративной грамматики, которые являются основанием для ее критики со стороны представителей других лингвистических направлений. Во-первых, генеративной грамматике часто ставится в вину игнорирование языковой деятельности. С этим связано различие в предмете изучения между генеративной грамматикой и функциональной лингвистикой.

Человечество обладает уникальной способностью усваивать и передавать из поколения в поколение знание родного языка. Теория генеративной грамматики ищет ответ на один центральный вопрос: из чего состоит это знание, каким образом оно так совершенно и быстро усваивается в раннем детстве, почему глобальные типологические различия между языками не препятствуют их усвоению. По сути дела, речь идет о языковой компетенции (competence), которая существует независимо от языковой деятельности, т.е. отдельных употреблений языковых форм в конкретных случаях (performance).

Генеративная грамматика занимается изучением языкового аппарата человека, который позволяет ребенку к пяти годам усвоить родной язык. Функциональная лингвистика изучает использование этого аппарата: почему мы выбираем те или иные существующие языковые формы и как мы понимаем или создаем сообщения разных уровней и стилистических регистров. Эти направления в лингвистике отнюдь не являются взаимоисключающими, а наоборот, они являются взаимодополняющими теориями, которые изучают одно явление с разных сторон.

Второй тип возражений связан с тем, что в генеративной грамматике якобы доминирует изучение английского и близкородственных ему языков. Это, однако, далеко не так. Диссертация Н. Хомского написана на материале иврита, и многие первые исследования в рамках генеративной грамматики анализируют русский, японский, навахо, санскрит и другие языки <...>. В рамках этой теории уже описаны языки всех языковых семей, и вопросы изучения самых разных языковых систем в настоящее время занимают ведущее место в Теории управления и связывания и в минимализме.

2. «Синтаксические структуры» Н. Хомского (1957)

В 1957 году вышла в свет книга Н. Хомского «Синтаксические структуры». Эта книга не только произвела настоящую революцию в лингвистике, но и оказала существенное влияние на последующее развитие других научных областей, таких, как психология, философия, педагогика, социология, антропология, теория искусственного интеллекта, и в результате послужила толчком к появлению такой области, как когнитивная наука (cognitive science).

Генеративный подход к языку появился в качестве альтернативы школе американского дескриптивизма 1950-х годов, которая, следуя учению бихевиористов во главе со Скиннером, предполагала, что язык усваивается ребенком чисто из-за поведенческих нужд, полностью независимо от биологических или инстинктивных знаний и способностей. При этом дескриптивизм был не в состоянии решить два парадокса, касающихся усвояемости (learnability) языка. Во-первых, каким образом усваивают дети только правильные синтаксические конструкции, не имея доступа к неправильным? Ведь они не слышат неправильных предложений в речи окружающих их взрослых. Во-вторых, каким образом языковой аппарат человека в конечном пространстве человеческого мозга может создавать бесконечное число языковых структур? Предложения (1) иллюстрируют потенциально безграничную порождающую способность языкового аппарата: (1) а. Комендант пьет.

б. Новый комендант пьет.

в. Новый комендант общежития пьет.

г. Новый комендант общежития пьет водку.

д. Новый комендант общежития пьет водку, которую я ему подарил.

е. Новый комендант общежития пьет водку, которую я ему подарил на день рождения.

И т.д.

Языковой аппарат человека характеризуется наличием рекурсивных правил (recursive rules), которые позволяют порождать бесконечно длинные предложения, сохраняя при этом существующие грамматические отношения (например, между подлежащим и сказуемым).

Введение в научный обиход лингвистики таких новых понятий, как рекурсивность, позволило Н. Хомскому выдвинуть гипотезу о возможности формального описания языка, что сблизило лингвистику с естественными науками. В то же время, в «Синтаксических

структурах» Н. Хомский продолжает классическую лингвистическую традицию. Вводятся такие понятия, как внутренний язык (I-language), определяющий физические стороны языковой системы, и внешний язык (E-language), который характеризует употребление и применение языковой системы. Эти понятия представляют собой формализацию традиционных понятий структурной лингвистики – «языковой системы» и «языковой деятельности».

Значение появления теории генеративной грамматики трудно переоценить. Ч. Хоккетт, принципиальный противник идей Хомского, тем не менее признал появление «Синтаксических структур» четвертым главным открытием в языкознании за последние почти 200 лет после доклада В. Джонса (1786) об исторической лингвистике, статьи К. Вернера об отсутствии исключений из правил звуковых изменений «Eine Ausnahme der ersten Lautverschiebung» и книги Ф. де Соссюра «Курс общей лингвистики». Хомский впервые предпринял попытку формального описания языка как естественного явления. Главное преимущество такого подхода заключается в возможности его проверки при помощи эмпирических исследований. Ведь такая модель формального описания языка должна быть в состоянии порождать все возможные предложения естественного языка, не порождая при этом ни одного невозможного. <...>

Задание 2. Составьте конспект фрагмента основополагающего труда

Н. Хомский ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ПОРОЖДАЮЩЕЙ ГРАММАТИКИ
(Философия языка/ Ред.-сост. Дж. Р. Серл. М., 2004)

(а) Основные положения и цели

Необходимо проводить различие между тем, что говорящий на языке знает неявным образом (и что можно назвать его *компетенцией*), и тем, что он делает (его *употреблением* языка). Грамматика, в традиционном смысле, изучает компетенцию. Она описывает и пытается объяснить способность говорящего к пониманию произвольного предложения на своем языке и к построению подходящего предложения в конкретной ситуации. Если перед нами учебная грамматика, она пытается наделить этой способностью ученика; если это лингвистическая грамматика, в ее задачу входит обнаружить и представить те механизмы, которые делают возможным данное достижение. Компетенция говорящего-слушающего может в идеальном случае быть представлена как система правил, связывающих сигналы с семантическими интерпретациями этих сигналов. Задача грамматиста состоит в том, чтобы найти такую систему правил; задача лингвистической теории состоит в том, чтобы найти общие свойства любой системы правил, которая может служить основой для естественного языка, то есть разработать в подробностях то, что, используя традиционные термины, можно назвать *общей формой языка*, которая лежит в основе каждой конкретной ее реализации, каждого конкретного естественного языка.<...>

Самым потрясающим аспектом языковой компетенции является то, что можно назвать «творческой природой языка» (*creativity of language*), то есть способностью говорящего производить новые предложения – предложения, которые мгновенно понимаются другими говорящими, хотя они не имеют никакого физического сходства с уже «знакомыми» предложениями. Основополагающее значение этого творческого аспекта в нормальном использовании языка признавалось по крайней мере с XVII века, и оно находилось в самом центре гумбольдтовского общего языкознания.<...>

Вернемся теперь к центральной теме: *порождающая грамматика* (то есть эксплицитная грамматика, которая не обращается к *faculte de langage* читателя, а скорее пытается включить в себя механизмы этой способности) – есть система правил, которая соотносит сигналы с семантическими интерпретациями этих сигналов. Она *дескриптивно адекватна* в той мере, в какой это парное соотношение соответствует компетенции идеального говорящего – слушающего. Идеализация состоит (в частности) в том, что при изучении грамматики мы абстрагируемся от многих других факторов (например,

ограничения памяти, отвлечение внимания, изменение намерения в ходе разговора и пр.), которые во взаимодействии с лежащей в основе компетенцией создают реальное употребление.

Если порождающая грамматика должна соотносить сигналы с семантическими интерпретациями, то теория порождающей грамматики должна предоставлять общие, независимые от языка средства представления сигналов и семантических интерпретаций, которые взаимно связываются друг с другом грамматиками конкретных языков. Этот факт признавался с самого зарождения лингвистической теории, и традиционное языкознание предпринимало различные попытки разработать теории универсальной фонетики и универсальной семантики, которые могли бы соответствовать этому требованию. <...>

Из того факта, что универсальная семантика находится в чрезвычайно неудовлетворительном состоянии, не следует, что мы должны оставить программу построения грамматик, которые соотносят сигналы и семантические интерпретации. Хотя и мало что можно сказать о независимой от языка системе семантической репрезентации, очень многое известно о тех условиях, которым должны удовлетворять семантические репрезентации в некоторых определенных случаях. Введем нейтральное техническое понятие «синтаксического описания», и будем считать синтаксическим описанием предложения (абстрактный) объект некоторого вида, ассоциируемый с предложением, такой, что он один определяет как его семантическую интерпретацию, так и его фонетическую форму. <...>

Заметим, что синтаксическое описание (далее СО) может передавать информацию о предложении и помимо его фонетической формы и семантической интерпретации. Так, мы вправе ожидать, что дескриптивно адекватная грамматика английского языка будет отражать тот факт, что выражения (1) – (3) упорядочены в зависимости от «степени отклонения» от английского, причем независимо от вопроса о том, какие интерпретации могут быть им приписаны [в случае (2) и (3)]:

- (1) *The dog looks terrifying* «Собака выглядит устрашающей»;
- (2) *The dog looks barking* (букв.) «Собака выглядит лающей»;
- (3) *The dog looks lamb* (букв.) «Собака выглядит ягненок».

Порождающая грамматика, далее, должна по крайней мере определить соответствие сигналам их СО, а теория порождающей грамматики должна предоставить общую характеристику класса возможных сигналов (теория фонетической репрезентации) и класса возможных СО. Грамматика дескриптивно адекватна настолько, насколько она фактически корректна в различных отношениях, в частности, в той степени, в какой она ставит сигналам в соответствие СО, которые в действительности удовлетворяют эмпирически заданным условиям на поддерживаемые ими семантические интерпретации. <...>

Подобных примеров должно быть достаточно для иллюстрации того, что включает в себя проблема построения дескриптивно адекватных порождающих грамматик и разработки теории грамматики, которая анализирует и обобщает во всей их полноте понятия, используемые в этих конкретных грамматиках. Из бесчисленных примеров подобного рода совершенно очевидно, что условия, налагаемые на семантические интерпретации, достаточно ясны и многообразны, так что проблема определения понятия «синтаксическое описание» и разработка дескриптивно адекватных грамматик (соотносимых с этим понятием СО) может быть поставлена вполне конкретно, несмотря на то, что само по себе понятие «семантической интерпретации» все еще недоступно глубокому анализу. <...>

Грамматика, повторюсь, должна устанавливать соответствие между сигналами и СО. Приписанное сигналу СО должно определять семантическую интерпретацию сигнала некоторым способом, детали которого остаются неясными. Более того, каждое СО должно единственным образом определять тот сигнал, СО которого оно является (однозначно, то есть вплоть до свободного варьирования). Таким образом, СО должно (i) определять семантическую интерпретацию и (ii) определять фонетическую интерпретацию. Определим «глубинную структуру предложения» как ту часть СО, которая обуславливает его

семантическую интерпретацию, и «поверхностную структуру предложения» как ту часть СО, которая обуславливает его фонетическую форму. Грамматика, следовательно, должна состоять из трех компонентов: *синтаксического компонента*, который порождает СО, каждое из которых состоит из поверхностной структуры и глубинной структуры; *семантического компонента*, который приписывает семантическую интерпретацию глубинной структуре; *фонологического компонента*, который приписывает фонетическую интерпретацию поверхностной структуре. Таким образом, грамматика в целом будет связывать фонетические репрезентации и семантические интерпретации, как это и требуется, причем эта связь будет осуществляться через посредство синтаксического компонента, порождающего глубинную и поверхностную структуру как элементы СО.

Понятия «глубинной структуры» и «поверхностной структуры» предполагались как разъяснения гумбольдтовских понятий «внутренней формы предложения» и «внешней формы предложения» (общее понятие «формы», вероятно, более правомерно соотнести с понятием самой «порождающей грамматики» <...>). Эта терминология предложена на основе словоупотребления, привычного в современной аналитической философии <...>

Итак, полная порождающая грамматика должна состоять из синтаксического, семантического и фонологического компонента. Синтаксический компонент порождает СО, каждое из которых включает в себя глубинную структуру и поверхностную структуру. Семантический компонент приписывает семантическую интерпретацию глубинной структуре, а фонологический компонент приписывает фонетическую интерпретацию поверхностной структуре. Неоднозначное предложение имеет несколько СО, различных по содержащимся в них глубинным структурам (хотя обратное не обязательно верно).

Задание 3. Прочитайте фрагмент работы Н. Хомский СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ТЕОРИИ ВРОЖДЕННЫХ ИДЕЙ Резюме устного доклада (Философия языка. М., 2004)

Я думаю, что будет полезно разделить два вопроса в обсуждении настоящей темы – один из них это вопрос исторической интерпретации, а именно, в чем состояло содержание классического учения о врожденных идеях (*innate ideas*), скажем, у Декарта или Лейбница; второй это сущностный вопрос, а именно, что мы можем сказать о предпосылках усвоения языка в свете доступной в настоящее время информации – какие допущения мы можем сделать относительно психологически априорных принципов, которые определяют характер обучения и природу того, что усваивается.

I. Творческий аспект использования языка

Данным выражением я обозначаю способность производить и интерпретировать новые предложения вне зависимости от «контроля стимула» – т.е. внешних стимулов или независимо распознаваемых внутренних состояний. Обычное использование языка является в этом смысле «творческим», на что многократно указывалось в традиционной рационалистской теории языка. Предложения, используемые в повседневной речи, не являются «знакомыми предложениями» или «обобщениями знакомых предложений» в терминах какого-либо из известных процессов обобщения. В сущности, абсурдно даже говорить о «знакомых предложениях». Та идея, что предложения или формы предложений выучиваются по ассоциации или по обуславливанию <...> или благодаря «тренировке», как предполагалось в недавних бихевиористских рассуждениях, полностью расходится с очевидным фактом. В более общем виде важно понимать, что ни в каком формальном смысле слова употребление языка не может рассматриваться как вопрос «привычки», а язык не может рассматриваться как «совокупность вариантов для ответной реакции».

Компетенция человека может быть представлена в виде *грамматики*, которая является системой правил, устанавливающих взаимные соответствия между семантическими и фонетическими интерпретациями. Очевидным образом эти правила действуют в бесконечных пределах. Как только человек овладел этими правилами (конечно,

бессознательно), он в принципе способен использовать их для приписывания семантических интерпретаций сигналам вполне независимо от того, поступают они к нему целиком или их части, в том случае, если они состоят из элементарных единиц, которые он знает и которые объединяются по правилам, которые он усвоил. Центральная проблема в разработке устройства усвоения языка заключается в том, чтобы показать, как может возникнуть такая система правил при тех данных, которые доступны ребенку. Чтобы получить хоть какую-то ясность в этом вопросе, естественно обратиться к более глубокому исследованию природы грамматик. Я думаю, в последние годы был достигнут подлинный прогресс в нашем понимании природы грамматических правил и способа их функционирования при приписывании семантических интерпретаций фонетически представленным сигналам; стало ясно, что именно в этой области можно обнаружить результаты, которые имеют некоторое отношение к природе устройства усвоения языка. <...>

III. Универсальный характер языковой структуры

Насколько позволяют судить доступные данные, мне представляется, что очень строгие условия, налагаемые на форму грамматики, являются универсальными. Глубинные структуры кажутся очень сходными от языка к языку, и также кажется, что правила, которые управляют ими и интерпретируют их, относятся к очень узкому классу возможных формальных операций. <...>

Вернемся теперь к проблеме создания устройства усвоения языка. Доступные свидетельства показывают, что выходом данного устройства является система рекурсивных правил, которая обеспечивает основу для творческого характера использования языка и которая управляет в высшей степени абстрактными структурами. Более того, эти лежащие в основе абстрактные структуры и те правила, которые к ним применяются, обладают чрезвычайно ограниченными свойствами. Эти свойства кажутся единообразными для языков и для различных индивидуумов, говорящих на одном языке, и кажутся неизменными по отношению к умственным способностям и индивидуальному опыту. <...>

При подобном описании процесс приобретения знания языка таким устройством мог бы выглядеть следующим образом: имеющаяся программа грамматики определяет класс возможных гипотез; метод интерпретации позволяет провести проверку каждой гипотезы на поступающих данных; мерой оценки выбирается наиболее высоко оцененная грамматика, совместимая с данными. Когда гипотеза – конкретная грамматика – выбрана, обучающийся знает язык, определенный данной грамматикой; в частности, он способен ставить в соответствие семантические и фонетические интерпретации для неограниченного числа предложений, которые он никогда не воспринимал. Таким образом, его знание распространяется гораздо дальше его опыта и не является «обобщением» на основе его опыта в каком-либо значимом смысле слова «обобщение» (за исключением того тривиального смысла, который определен внутренней структурой устройства усвоения языка)).

Следуя по этому пути, можно искать гипотезу об усвоении языка, которая вписывалась бы между верхним и нижним пределами, обсуждавшимися выше и установленными самим характером этой задачи. Очевидно, для того, чтобы произошло обучение языку, класс возможных гипотез – программа грамматики – должен быть сильно ограничен.

Данная характеристика является схематичной и идеализированной. Мы можем наполнить ее содержанием, определив систему усвоения языка согласно тому, как было обрисовано выше. Я думаю, что следуя в данном направлении, можно дать очень правдоподобное и конкретное описание, однако здесь не самое подходящее место развивать подробнее этот вопрос, развернутое обсуждение которого содержится во многих работах по трансформационной порождающей грамматике.

До сих пор я обсуждал лишь сущностный вопрос о предпосылках усвоения знания языка, о тех априорных принципах, которые определяют, как и в каком виде приобретается такое знание. Теперь же я попытаюсь поместить это обсуждение в исторический контекст.

Прежде всего, я упомянул три ключевых аспекта языковой компетенции: (1) творческий характер использования языка; (2) абстрактную природу глубинной структуры; (3) очевидную универсальность чрезвычайно специфической системы механизмов, формализованных в настоящее время в виде трансформационной грамматики. Интересно заметить, что эти три аспекта языка обсуждаются в рационалистической философии XVII века и у ее последователей, и что лингвистические теории, которые были разработаны в рамках этой дискуссии, по сути являются теориями трансформационной грамматики. <...>

Резко отличны от рационалистической точки зрения классические эмпиристские положения о том, что врожденными являются: (1) некоторые элементарные механизмы периферийной обработки данных (система органов чувств) и (2) некоторые аналитические механизмы, или индуктивные принципы, или механизмы ассоциации. Здесь утверждается, что предварительный анализ опыта обеспечивается периферийными механизмами обработки и что понятия и знания человека, помимо этого, усваиваются путем применения врожденных индуктивных принципов к этому изначально проанализированному опыту. Тем самым, только процедуры и механизмы усвоения знания представляют собой врожденное устройство. По поводу усвоения языка имелось множество эмпирических размышлений о том, каковы могут быть эти механизмы, однако единственная относительно ясная попытка выработать какое-либо его специальное описание обнаруживается в современной структурной лингвистике, которая попыталась разработать системы индуктивных аналитических процедур сегментации и классификации, которые могут быть применены к данным для того, чтобы определить грамматику. Вполне вероятно, что эти методы могли бы быть несколько усовершенствованы до такой степени, чтобы они производили поверхностные структуры многих высказываний. Совершенно невероятно, чтобы они могли быть разработаны до такой степени, чтобы производить глубинные структуры или абстрактные принципы, которые порождают глубинные структуры и связывают их с поверхностными структурами. Это не является вопросом дальнейшего усовершенствования, но требует полностью отличного подхода к проблеме. Сходным образом, трудно представить себе, как расплывчатые предложения об обуславливании и ассоциативных сетях, которые можно обнаружить в философских и психологических рассуждениях эмпиристского толка, могли бы быть развиты или усовершенствованы таким образом, чтобы предусмотреть засвидетельствованную компетенцию. Система правил для порождения глубинных структур и соотнесения их с поверхностными структурами способом, свойственным естественному языку, попросту не обладает свойствами ассоциативной сети или набора родственных привычек; поэтому никакое усовершенствование принципов разработки подобных структур не может быть подходящим для задачи создания устройства усвоения языка.

До сих пор я ничего не сказал об учении о существовании врожденных идей и врожденных принципов различных типов, которые определяют характер того, что может быть узнано, причем по-видимому достаточно ограниченным и высокоорганизованным способом. Согласно традиционной точке зрения, условие приведения в действие данных врожденных механизмов состоит в том, чтобы предоставить соответствующее побуждение. Это побуждение предоставляет разуму возможность применить определенные врожденные интерпретирующие принципы, определенные понятия, которые происходят скорее из самой «власти понимания», из способности думать, нежели из каких-либо внешних объектов. <...>

Мне кажется, что обсуждавшиеся выше выводы относительно природы усвоения языка находятся в полном соответствии с учением о врожденных идеях, понимаемом таким образом, и могут рассматриваться как предоставляющие своего рода подтверждение и дальнейшее развитие этого учения. Конечно, подобное предложение поднимает нетривиальные вопросы исторической интерпретации.

Достаточно ясным мне представляется то, что нынешнее положение дел с исследованием обучения языку и других аспектов интеллектуальных достижений человека, сравнимых по сложности, выглядит следующим образом. Мы имеем некоторое количество данных о грамматиках, которые должны являться выходом модели усвоения. Эти данные

ясно показывают, что знание языка не может возникнуть в результате пошаговых индуктивных операций (процедур сегментации, классификации, подстановки, а также «аналогии», ассоциации, обусловливания и т.п.) какого бы то ни было вида, разрабатывавшихся или обсуждавшихся в лингвистике, психологии и философии. Последующие эмпирические размышления не добавили ничего такого, что хотя бы в чем-то предлагало способ преодоления ограничений, внутренне присущих тем методам, которые выдвигались и разрабатывались до сих пор. Более того, не существует каких-либо иных оснований продолжать эти эмпирические размышления и избегать того нормального утверждения, свободного от теоретических предубеждений, которое можно сформулировать перед лицом эмпирических свидетельств того рода, как описано выше. В частности, в психологии или физиологии не известно ничего такого, что заставляло бы думать, будто эмпирический подход хорошо обоснован, либо что давало бы какие-либо основания для скептицизма относительно обрисованной выше рационалистической альтернативы. <...>

Задание 4. *На основании работ Н. Хомского ответьте на обобщающие вопросы:*

Как Вы считаете, в чем видит Н. Хомский назначение грамматики нового типа?

Из каких компонентов она должна состоять?

Прочитайте текст о Н. Хомском.

Краткая справка: Ноам Хомский (07.12.1928 Филадельфия, штат Пенсильвания) — основоположник генеративного направления в лингвистике. С 1962 г. профессор Массачусетского технологического института. Соотечественники называют его «американским Сократом». Представил грамматику естественного языка в виде механизма, который способен породить бесконечное число грамматически правильных предложений при наличии изначально ограниченных ресурсов. Его фундаментальная посылка: способность к языку является врожденной. «Исследование универсальной грамматики — это исследование природы человеческих интеллектуальных способностей». Ученый был убежден, что формирование языка происходит от абстрактных синтаксических структур к фонетике. В связи с этим генеративисты стали заниматься моделированием процесса формирования языка вообще, на самом абстрактном уровне.

Дискуссия по подготовленным сообщениям (факультативно):

1. Суть понятия «хомскианская революция», или «вторая когнитивная революция».
2. «Генеративная революция» Н.Хомского и генеративная парадигма в языкознании.

Методические указания:

Данная проблематика является базовой для понимания сущности генеративного направления в лингвистике, поэтому результатом работы является конспект, который обучающийся представляет для оценки научному руководителю, а также устный реферат по теме занятия.

Рекомендуемая литература:

основная: [1, 2];

дополнительная: [3-5].

Тема 2. Антропоцентрическая направленность современных лингвистических исследований

Занятие 2. Установление взаимосвязи направлений в рамках антропоцентризма

Цели и задачи занятия:

– определить суть различных направлений в рамках антропоцентризма;

– установить соотношение антропоцентрических направлений с современными исследованиями в лингвистике.

Темы докладов и сообщений

1. Язык как «зеркало» человека.
2. Коммуникативная лингвистика в рамках антропоцентрического направления.
3. Язык в познавательных процессах и когнитивной организации человека.
4. «Внутрисубъектная лингвистика или теория носителя языка» (С.Г. Васильева).

Методические указания:

Данная проблематика является базовой для понимания сущности антропоцентрического направления современных лингвистических исследований, поэтому на практическом занятии проверяются результаты самостоятельной работы. Аспирантам рекомендуется подготовиться к обсуждению тем, изученных на лекции и в процессе самостоятельной работы.

Рекомендуемая литература:

основная: [1, 2];
дополнительная: [3-5].

РАЗДЕЛ II. СПОСОБЫ ОРГАНИЗАЦИИ И ОПИСАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ

Тема 3. Способы представления языковой системы (грамматика, словарь, текст и дискурс)

Занятие 3. Различные подходы к определению понятия «дискурс», разрабатываемые в мировой и отечественной лингвистике

Цели и задачи занятия:

- ознакомиться с определениями понятия «дискурс», разрабатываемыми в мировой и отечественной лингвистике;
- определить эволюцию понятия «дискурс» в лингвистике;
- определить содержание терминов «дискурс» и «дискурсивный анализ».

Дискурс – многозначное понятие, которое используется в различных науках, в первую очередь, в философии и лингвистике. В XX веке сфера использования термина расширилась. В 1960-1970-х годах дискурс определялся филологами как связанная последовательность предложений или речевых актов. Такое понимание сближало дискурс с текстом, однако при этом подчеркивается динамический, разворачивающийся во времени характер языкового общения. С конца 1980-х гг. под дискурсом начали понимать сложное коммуникативное явление, сложную систему иерархии знаний, включающую и экстралингвистические факторы. В последнее время приобрела популярность связь понятия дискурс и сферы социальной жизни людей, появился термин «институциональный дискурс».

Дискурсивный анализ – изучение языка, используемого в некотором языковом сообществе. В качестве материала исследования выступают разговорная речь и письменные тексты. Дискурсивный анализ использует методы и подходы различных наук: психолингвистики, социолингвистики, антропологии, социологии и других наук. Как научное направление дискурсивный анализ сформировался в последние десятилетия. Его цель – выявление социального контекста, стоящего за устной и письменной речью, исследование взаимосвязи между языком и социальными процессами. Дискурсивный анализ тесно связан с теорией речевых актов. В рамках дискурсивного анализа выделяют различные направления, например, анализ бытового диалога.

Задание 1. Прочитайте фрагменты базовых филологических работ, представляющих проблематику дискурсивных исследований. Сравните различные подходы к определению понятия «дискурс», разрабатываемые в мировой и отечественной лингвистике.

Дейк Т.А., ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.

«...дискурс, в широком смысле слова, является сложным единством языковой формы, значения и действия, которое могло бы быть наилучшим образом охарактеризовано с помощью понятия коммуникативного события или коммуникативного акта. Преимущество такого понимания состоит в том, что дискурс, нарушая ситуативные или лингвистические подходы к его определению, не ограничивается рамками конкретного языкового высказывания, то есть рамками текста или самого диалога. Анализ разговора с особой очевидностью подтверждает это: говорящий и слушающий, их личностные и социальные характеристики, другие аспекты социальной ситуации, несомненно, относятся к данному событию. <...>

В письменных или печатных типах дискурса такая интеракциональная природа этого явления менее заметна: писатель, текст, читатель находятся не в таком тесном взаимодействии в пределах единой ситуации, локализованной в пространстве и времени, но даже и в этом случае следовало бы проанализировать тексты с точки зрения динамической природы их производства, понимания и выполняемого с их помощью действия. <...> при определении значения дискурса, нужно учитывать знания, общедоступные для участников коммуникации, знание языка, знание мира, другие установки и представления» [Т.А. ван Дейк, 1989].

Караулов Ю.Н., Петров В.В. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса // Т.А. ван Дейк. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989. С. 5-11.

«...дискурс – это сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста» [Ю.Н. Караулов, В.В. Петров, 1989].

Демьянков В.З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста. Вып. 2. Методы анализа текста // Всесоюзный центр переводов. Тетради новых терминов. 39. М., 1982.

«Discourse – дискурс, произвольный фрагмент текста, состоящий более чем из одного предложения или независимой части предложения. Часто, но не всегда, концентрируется вокруг некоторого опорного концепта; создает общий контекст, описывающий действующие лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки и т.п., определяясь не столько последовательностью предложений, сколько тем общим для создающего дискурс и его интерпретатора миром, который „строится“ по ходу развертывания дискурса, – это точка зрения „этнографии речи“, ср. предлагаемый гештальтистский подход к дискурсу. <...> Элементы дискурса: излагаемые события, их участники, перформативная информация и „несобытия“, т.е. а) обстоятельства, сопровождающие события; б) фон, поясняющий события; в) оценка участников событий; г) информация, соотносящая дискурс с событиями» [В.З. Демьянков, 1982].

Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 136 – 137. [ЛЭС]

«Дискурс – связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, „погруженная в жизнь“. Поэтому термин „дискурс“, в

отличие от термина „текст“, не применяется к древним и другим текстам, связи которых с живой жизнью не восстанавливаются непосредственно.

Дискурс включает паралингвистическое сопровождение речи (мимику, жесты), выполняющие следующие основные функции, диктуемые структурой дискурса: ритмическую ("автодирижирование"), референтную, связывающую слова с предметной областью приложения языка (дейктические жесты), семантическую (ср. мимику и жесты, сопутствующие некоторым значениям), эмоционально-оценочную, функцию воздействия на собеседника, т.е. иллюкативную силу (ср. жесты побуждения, убеждения). Дискурс изучается совместно с соответствующими "формами жизни" (ср. репортаж, интервью, экзаменационный диалог, инструктаж, светская беседа, признание и пр.).

Одной своей стороной дискурс обращен к прагматической ситуации, которая привлекается для определения связности дискурса, его коммуникативной адекватности, для выяснения его импликаций и пресуппозиций, для его интерпретации. Жизненный контекст дискурса моделируется в форме "фреймов" (типовых ситуаций) или "сценариев" (делающих акцент на развитии ситуации). <...> Другой своей стороной дискурс обращен к ментальным процессам участников коммуникации: этнографическим, психологическим и социокультурным правилам и стратегиям порождения и понимания речи в тех или других условиях, определяющих необходимый темп речи, степень ее связности, соотношение общего и конкретного, нового и известного, субъективного (нетривиального) и общепринятого, эксплицитного и имплицитного в содержании дискурса, меру его спонтанности, выбор средств для достижения нужной цели, фиксацию точки зрения говорящего и т.п.» [Н.Д. Арутюнова, ЛЭС 1991].

Серво П. Анализ дискурса во Французской школе [Дискурс и интердискурс] // Семиотика: Антология / Сост. Ю.С. Степанов. 2-е изд., испр. и доп. М., 2001. С. 549 – 562.

«...термин *дискурс* получает множество применений. Он означает в частности:

1. эквивалент понятия "речь" в сосюрловском смысле, т.е. любое конкретное высказывание;

2. единица, по размеру превосходящая фразу, высказывание в глобальном смысле; то, что является предметом исследования "грамматики текста", которая изучает последовательность отдельных высказываний;

3. в рамках теорий высказывания или прагматики "дискурсом" называют воздействие высказывания на его получателя и его внесение в "высказывательную" ситуацию (что подразумевает субъекта высказывания, адресата, момент и определенное место высказывания);

4. при специализации значения 3 "дискурс" обозначает *беседу*, рассматриваемую как основной тип высказывания;

5. у Бенвениста "дискурсом" называется речь, присваиваемая говорящим, в противоположность "повествованию", которое разворачивается без эксплицитного вмешательства субъекта высказывания;

6. иногда противопоставляются *язык* и *дискурс* как, с одной стороны, система мало дифференцированных виртуальных значимостей и, с другой, как диверсификация на поверхностном уровне, связанная с разнообразием употреблений, присущих языковым единицам. Различается, таким образом, исследование элемента «в языке» и его исследование «в речи» как «дискурсе»;

7. термин "дискурс" часто употребляется также для обозначения системы ограничений, которые накладываются на неограниченное число высказываний в силу определенной социальной или идеологической позиции. Так, когда речь идет о "феминистском дискурсе" или об "административном дискурсе", рассматривается не отдельный частный корпус, а определенный тип высказывания, который предполагается вообще присущим феминисткам или администрации;

8. по традиции анализ дискурса определяет свой предмет исследования, разграничивая высказывание и дискурс.

Высказывание – это последовательность фраз, заключенных между двумя семантическими пробелами, двумя остановками в коммуникации; *дискурс* – это высказывание, рассматриваемое с точки зрения дискурсного механизма, который им управляет. Таким образом, взгляд на текст с позиции его структурирования «в языке» определяет данный текст как высказывание; лингвистическое исследование условий производства текста определяет его как «дискурс». В силу этого дискурс для анализа дискурса отнюдь не является первичным и эмпирическим объектом: имеется в виду теоретический (конструированный) объект, который побуждает к размышлению об отношении между языком и идеологией. Понятие дискурса открывает трудный путь между чисто лингвистическим подходом, который основывается на признанном забвении истории, и подходом, который растворяет его в идеологии» [П. Серио, 2001].

Степанов Ю. С. Язык и метод. К современной философии языка. М., 1998.

«...дискурс – это „язык в языке“, но представленный в виде особой социальной данности. Дискурс реально существует не в виде своей „грамматики“ и своего „лексикона“, как язык просто. Дискурс существует прежде всего и главным образом в текстах, но таких, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, – в конечном счете – особый мир. В мире всякого дискурса действуют свои правила синонимических замен, свои правила истинности, свой этикет. Это – „возможный (альтернативный) мир“ в полном смысле этого логико-философского термина. Каждый дискурс – это один из „возможных миров“. Само явление дискурса, его возможность, и есть доказательство тезиса „Язык – дом духа“ и, в известной мере, тезиса „Язык – дом бытия“» [Ю.С. Степанов, 1998].

Кубрякова Е.С. Язык и знание. М., 2004. С. 519 – 532.

«... дискурс может быть определен как такая форма использования языка в реальном (текущем) времени, которая отражает определенный тип социальной активности человека, создается в целях конструирования особого мира (или – его образа) с помощью его детального языкового описания и является в целом частью процесса коммуникации между людьми, характеризуемого, как и каждый акт коммуникации, условиями ее осуществления и, конечно же, ее целями. <...> тип дискурса детерминируется типом той социальной активности человека, в рамках которой он осуществляется и с целями которой он согласуется <...>. Дискурс есть всегда детище своего времени, то есть стиль произведения дискурсивной деятельности, все его особенности определяются прежде всего состоянием общества и теми социальными ролями, которые в этом обществе может играть человек. <...>

Дискурсивная деятельность носит отчетливо выраженный специализированный характер, т.е. не может быть описанной вне указания на "сферу" ее проявления – бытовую, научную, профессиональную (со всеми ее разновидностями) и т.д. <...>

В дискурсе отражается и строится один из "возможных миров", а для того, чтобы сделать это и объективировать намерение говорящего и его ментальность, используются *особые языковые средства*. Использование языка сказывается здесь в том, что решение всякого смыслового задания требует активизации вполне определенных черт языка, и из существующего альтернативного ряда средств, из имеющегося набора разных возможностей и приемов *выбираются* или *строятся* конкретные языковые формы. Можно говорить в этой связи о том, что разные типы дискурса требуют разной грамматики и разной лексики, и они их создают. По-видимому, в лингвистическом анализе дискурса демонстрация этого своеобразия и составляет главную его цель» [Е.С. Кубрякова].

Задание 2. Дайте аргументированные ответы на следующие вопросы:

Как изменилось понятие «дискурс» за время своего существования?

Чья трактовка понятия «дискурс» соотносится с проблематикой Вашей работы?

Какие проблемы являются актуальными на данном этапе развития дискурсивных исследований в отечественной и мировой лингвистике?

Задание 3. *Ознакомьтесь с монографией В.И. Карасика Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с. Глава 3. Дискурс. Ответьте на вопросы:*

Как ученый определяет дискурс? Как вы понимаете слова В.И. Карасика: «В данной работе категория дискурса выделяется и обосновывается с позиций коммуникативного языкознания с учетом достижений как структурно-функциональной, так и культурологической лингвистики?»

Какие виды институционального дискурса выделяет ученый?

Что такое «бытийный дискурс»?

Задание 4. *Дайте обоснованные ответы на вопросы:*

В чем особенности дискурсивного анализа как современного метода лингвистических исследований?

Планируете ли Вы применять этот метод в своей исследовательской работе?

Методические указания:

Данная проблематика является базовой для понимания способов организации и описания языковой системы в целом и дискурсивных исследований в частности, поэтому результатом практической работы является устный реферат, который обучающийся готовит по предлагаемой литературе и представляет для оценки научному руководителю.

Рекомендуемая литература:

основная: [1, 2];

дополнительная: [3-5].

Тема 4. Функциональный аспект изучения русского языка. Методы изучения и описания языкового материала

Занятие 4. Теория функциональной грамматики А.В. Бондарко

Цели и задачи занятия:

– определить специфику функционально-грамматического описания, основанного на понятии функционально-семантического поля;

– рассмотреть соотношение понятий *функция* и *значение*, *система* и *среда*.

Задание 1. *Прочитайте текст, представляющий обзор трудов А.В. Бондарко по теории функциональной грамматики и общую оценку данной лингвистической концепции.*

Теория функциональной грамматики А.В. Бондарко

Теория функциональной грамматики (ТФГ) начала формироваться в 1970–1980-е годы XX века (первая статья А.В. Бондарко по данной проблематике «Основы построения функциональной грамматики», 1980). С 1981 по 1987 г. вырабатываются основные принципы концепции, определяются основные понятия – функционально-семантическое поле и категориальная ситуация. В 1987 г. выходит первый том коллективного труда под общим названием «Теория функциональной грамматики», который был посвящен глагольной категории вида. Глагольная категория вида представлена в трех функционально-семантических полях: аспектуальность, временная локализованность и таксис. Второй том вышел в 1990-м, шестой, – в 1996 г. Итоги этого коллективного исследования были подведены в книге А.В. Бондарко «Основы функциональной грамматики: Языковая

интерпретация идеи времени» (2001). С 2000 г. начинают выходить в свет тома под общим названием «Проблемы функциональной грамматики», в которых предлагается другой «вход» в языковую систему – не от грамматического значения к грамматической форме, а от определенной лингвистической проблемы, например от проблемы взаимосвязей системно-языкового и речевого аспектов морфологических и синтаксических категорий, к языковой системе.

А.В. Бондарко [Бондарко, 2001] определил отличия ТФГ, во-первых, от предшествующей традиционной формально-описательной грамматики и, во-вторых, от функционально-коммуникативной грамматики (ФКГ), разрабатываемой под руководством Г.А. Золотовой. Отличие от традиционной грамматики А.В. Бондарко формулирует следующим образом: «Если традиционная грамматика отвечает прежде всего на вопрос “как устроена языковая система?”, то функциональная грамматика, учитывая устройство этой системы и ее элементов, стремится ответить на вопрос “как она функционирует?”. Если традиционная грамматика анализирует и описывает языковые факты преимущественно или исключительно в направлении от формы к значению, то функциональная грамматика предполагает доминирующую роль анализа языкового материала в направлении от смысла к его выражению, от функций к средствам их реализации. Это связано со стремлением отразить в грамматическом описании позицию говорящего, важнейшую сторону его мыслительно-речевой деятельности – движение от смысла, который он хочет выразить, к реализации этого намерения в конкретном высказывании» [С. 5–6]. При этом традиционная (уровневая, описательная) грамматика и грамматика функциональная находятся в отношениях взаимного дополнения: «Эти типы грамматики дополняют друг друга в широком поле грамматических исследований» [С. 8].

Для характеристики разных направлений в рамках современной функциональной грамматики А.В. Бондарко предложил принцип доминанты: ТФГ он характеризует как модель с системно-языковой доминантой, а КГ – как модель с коммуникативно-речевой доминантой. ТФГ представляет грамматическую систему русского языка от категориальных значений к способам их выражения. ФКГ представляет русскую грамматику как механизм порождения речи (устной и письменной) в системном взаимодействии значений, функций и форм.

Характеристика ТФГ: 1) отправной точкой для исследований становятся морфологические категории (например, категории глагола); 2) языковая единица понимается как двухмерная сущность в пределах уровневой системы языка; 3) теоретическая основа и терминологический аппарат концепции обеспечивают не только представление системы русского языка изнутри, но и сопоставительное изучение разных языковых систем.

Каждая грамматическая теория имеет в своей основе определенные научные понятия, которые оказываются основными инструментами представления языкового материала. В ТФГ это понятия функции, семантической категории, функционально-семантического поля и категориальной ситуации.

«Семантические категории (время, пространство, качество, количество и т.п.) как универсальные семантические константы представляют собой содержательное основание ФСП» [Бондарко, 2001. С. 28].

«Функционально-семантическое поле (ФСП) – это группировка разноуровневых средств данного языка, взаимодействующих на основе общности их семантических функций и выражающих варианты определенной семантической категории» [Бондарко, 2002. С. 289]. Функционально-семантическое поле – «это семантическая категория, рассматриваемая в единстве с системой средств ее выражения в данном языке» [Бондарко, 2001. С. 17].

Для того чтобы соединить систему ФСП с традиционной грамматической моделью, А.В. Бондарко вводит еще одно понятие – «грамматическое единство». Таким грамматическим единством становится часть речи, а также предложение.

Соглашаясь с теоретиками системности, А.В. Бондарко принимает следующее определение системы: «система как множество элементов с отношениями и связями между

ними, образующими определенную целостность, проявляет и формирует все свои свойства во взаимодействии со средой. Взаимозависимость системы и среды рассматривается как один из системных принципов, наряду с такими свойствами системы, как целостность и иерархичность. Понятие функционирования (поведения) объекта включает его связи с окружающей средой. Это относится и к функционированию языковых системных объектов» [Бондарко, 2002. С. 193—194].

А.В. Бондарко применяет понятия системы и среды для представления отношений: а) между грамматикой и лексикой, б) между языком и речью, в) между категориями в самой грамматической системе. К системным объектам в ТФГ относятся «предложение, грамматическая категория (вид, время, залог и т.п.), функционально-семантическое поле (аспектуальность, темпоральность, залоговость и т.п.), различные группировки грамматических категорий» (система глагольных категорий, система именных категорий), «словоформы, части речи, члены предложения» [С. 194].

В шеститомнике ТФГ русская грамматическая система представлена как совокупность функционально-семантических полей, из которых рассмотрены следующие ФСП: аспектуальность (вид и способы глагольного действия), временная локализованность (частные значения категории времени), таксис (одновременность/ разновременность), темпоральность, модальность, персональность, залоговость, субъектность, объектность, коммуникативная перспектива, определенность/неопределенность, качественность, количественность, локативность, бытийность, посессивность, обусловленность, временной порядок. Семь первых ФСП представляют глагольные категории: вид – аспектуальность, вид и время – временная локализованность, видо-временное соотношение глагольных форм – таксис; время – темпоральность, наклонение – модальность, лицо – персональность, залог – залоговость. Четыре следующих поля относятся к уровню предложения и интерпретируют функции именных словоформ в предложении. ФСП качественности формируется вокруг определенной части речи – прилагательного, ФСП количественности – вокруг категории числа. Поля локативности (место), бытийности, посессивности (владения, принадлежности) и обусловленности (причинности в широком смысле) представляют определенные типы синтаксических структур – предложения со значением бытия, местонахождения, владения, а также полипредикативные конструкции, выражающие обусловленность одной ситуации другой. ФСП временного порядка интерпретирует категорию времени как категорию текста.

Таким образом, петербургская школа функциональной грамматики – это научное направление, в котором существует общность фундаментальных исходных позиций и целей исследования. «Общность заключается: 1) в направленности анализа прежде всего на изучение самого содержания рассматриваемых категорий, 2) в таком соотношении этого содержания с формой языкового выражения, которое стремится выявить воздействие формы на представление актуализируемой семантики, 3) в стремлении изучить взаимодействие разноуровневых языковых средств, участвующих в реализации рассматриваемых семантических функций» [ТФГ, 1992. С.3].

Темы докладов и сообщений (факультативно)

1. Функциональный синтаксис Г.А. Золотовой: понятие синтаксической функции.
2. Соотношение *функции, значения и формы* в рамках концепции Г.А. Золотовой.

Методические указания:

Данная проблематика требует организации консультативно-дискуссионных занятий, в связи с чем целесообразно готовить публичные доклады для представления другим аспирантам и коллегам-исследователям на научно-методических семинарах.

Рекомендуемая литература:

основная: [1-2];

дополнительная: [3-5].

РАЗДЕЛ III. ЯЗЫК И КУЛЬТУРА НАРОДА: ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Тема 5. Язык и культура народа: проблемы языковой картины мира

Занятие 5. Научная картина мира и ее языковые реализации

Цели и задачи занятия:

- раскрыть понятие «научная картина мира»;
- рассмотреть соотношение научной картины мира и наивной картины мира.

Задание 1. *Прочитайте текст, характеризующий научную картину мира. Ответьте на вопросы:*

- Что такое языковая картина мира?
- Как определяется научная картина мира в лингвистике?
- Какие функции выполняет научная картина мира?
- Как соотносится научная картина мира с исследовательской работой ученого?

В «Логико-философском трактате» Людвиг Витгенштейна в качестве термина философии и логики был предложен термин «картина мира» для обозначения системы образов, взаимосвязанно отражающих всю совокупность достигнутых наукой результатов познания мира. Отечественные философы и лингвисты различают языковую и концептуальную картины мира. Языковая картина мира – это отраженные в категориях языка представления данного языкового коллектива о строении, элементах и процессах действительности. По качеству изображаемого объекта выделяют наивную и научную картины мира.

Научная картина мира – это особая форма научного теоретического знания, репрезентирующая предмет исследования науки соответственно определенному этапу ее исторического развития, посредством которой интегрируются и систематизируются конкретные знания, полученные в различных областях научного поиска.

Научная картина мира является особым типом теоретического знания. Ее основными компонентами являются представления о фундаментальных объектах, о типологии объектов, об их взаимосвязи и взаимодействии, о пространстве и времени. Научная картина мира выполняет ряд функций, среди которых главными являются эвристические (функционирование научной картины мира как исследовательской программы научного поиска), систематизирующие и мировоззренческие. Иными словами, научные картины мира выполняют три основные взаимосвязанные функции в процессе исследования:

- 1) систематизируют научные знания, объединяя их в сложные целостности;
- 2) выступают в качестве исследовательских программ, определяющих стратегию научного познания;
- 3) обеспечивают объективацию научных знаний, их отнесение к исследуемому объекту и их включение в культуру.

Эти функции имеют системную организацию, они характерны как для специальных, так и для общенаучной картины мира.

Современная научная картина мира представляет наше бытие как информационно-управляемый материальный мир, который познает разумный субъект, достигший соответствующего уровня развития.

Методические указания:

Данная проблематика требует организации консультативно-дискуссионных занятий, в связи с чем целесообразно готовить публичные доклады для представления другим аспирантам и коллегам-исследователям на научно-методических семинарах.

Рекомендуемая литература:

1. основная: [1-2];
2. дополнительная: [3-5].

Вопросы для повторения

1. Основные направления лингвистики XX века.
2. Характеристика одного из направлений, в рамках которого планируется проводить диссертационное исследование.
3. Генеративные исследования в лингвистике.
4. Основные направления в рамках антропоцентрической парадигмы.
5. Различные подходы к определению понятия «дискурс».
6. Текст и дискурс: соотношение понятий.
7. Актуальные проблемы дискурсивных исследований в современной лингвистике.
8. Функциональные школы в современном языкознании.
9. Языковая картина мира как информация о среде и человеке, переработанная и зафиксированная в языке.
10. Научная картина мира: общая характеристика.

ЛИТЕРАТУРА

Основная:

1. Боронникова, Н.В. История лингвистических учений: учебное пособие / Н.В. Боронникова, Ю.А. Левицкий. – Москва: Директ-Медиа, 2013. – 524 с. – ISBN 978-5-4458-3070-2; То же [Электронный ресурс]. – URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=210685>
2. Демина, Л.А. Логика, методология, аргументация в научном исследовании: учебник для аспирантов / Л.А. Демина, В.И. Пржиленский; Министерство образования и науки Российской Федерации, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА); отв. ред. Л.А. Демина. – Москва: Проспект, 2017. – 160 с.: ил. – Библиогр. в кн. – ISBN 978-5-392-24264-1; То же [Электронный ресурс]. – URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=472247>

Дополнительная:

3. Буянова, Л.Ю. Терминологическая деривация в языке науки: когнитивность, семиотичность, функциональность: монография / Л.Ю. Буянова. – 4-е изд., стер. – Москва: Издательство «Флинта», 2016. – 389 с. – ISBN 978-5-9765-1132-3; То же [Электронный ресурс]. – URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=83077>
4. Леонтьева, Т.В. Интеллект человека в русской языковой картине мира: монография / Т.В. Леонтьева; гл. ред. Е.Л. Березович. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Издательство «Флинта», 2014. – 272 с.: табл., схем. – Библиогр. в кн.. – ISBN 978-5-9765-1867-4; То же [Электронный ресурс]. – URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=375656>
5. Перспективные научные исследования в языкознании: коллективная монография / О.Г. Алифанова, Д.В. Исаев, А.В. Павлова и др.; под ред. А.В. Павловой. – 2-е изд., стер. – Москва: Издательство «Флинта», 2017. – 198 с.: ил. – Библиогр. в кн. – ISBN 978-5-9765-1438-6; То же [Электронный ресурс]. – URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=364376>